

Илья Рубинштейн

Номинация – «ПЬЕСА МАЛОГО ФОРМАТА»

ТРИ В ОДНОМ

фантазия в стиле ретро

МОСКВА
2013
ТРИ В ОДНОМ

фантазия в стиле ретро

Сцена условно разделена на три части двумя кумачовыми транспарантами советских времен, уходящими от авансцены к заднику. Левая часть – «улица», средняя – «палата», правая часть – «комната дежурного». На «улице» - лавочка, в «палате» - четыре койки с постельными принадлежностями, в «комнате дежурного» - стол с телефоном и два стула.

«Палата». Высокий копноволосый с чуть мучнистым лицом («Копноволосый»), темно-курчавый с грустно-раскосыми глазами («Грустно-раскосый») и невысокого роста, коротко стриженный, скуластый с непропорционально большой головой («Скуластый») один за другим переступают порог палаты. Всем троим на вид слегка за двадцать. Из одежды на них лишь майки да трусы. Сержант остается стоять за порогом палаты.

Сержант (ровно): Не стоим. Выбираем коечку и организованно укладываемся.

Троица стоит на месте.

Сержант: Я что - не по-русски выразился?

Копноволосый (обернувшись, сержанту): А купаться? (потеребив свои патлы) Купаться когда? У меня, видите ли, любезный, головушка трое суток невытая.

Сержант: Холодной воды нет. Только горячая. (теряя терпение) Ну, так будем укладываться или...

Копноволосый: В обязательном порядке, господин унтер-офицер!

Первым из троих сдвигается с места. Доходит до начала межкочного прохода, аккуратно присаживается на первую койку в правом ряду. Грустно-раскосый со Скуластым стоят на месте, заморожено смотря куда-то перед собой. При этом первый не перестает растерянно улыбаться.

Сержант: Ну, а мы?! (профессионально с пол оборота включив психа) Я говорю - мы, бляха, долго будем стоять?!

Скуластый с Грустно-раскосым не обернувшись на служивого, медленно двигаются по проходу. Дальше всех заходит Скуластый. До противоположной стены. И демонстративным рывком бросает крепко сбитое тело на ближайшую к авансцене койку. Грустно-раскосый на пару секунд раньше аккуратно приседает на койку рядом с Копноволосым.

Сержант: Всем спокойной ночи!

Скуластый: Ну, погоди, сержант! Слышишь, сержант!

Тело Скуластого складывается и он снова на ногах.

Скуластый: Я же трезвый! С похмелья, но трезвый! Давай спокойно всё выясним!

Сержант: Конечно, выясним. Завтра.

Звук захлопнувшейся двери, скрежет ключа в замке, щелчок. Через секунду в палате гаснет свет.

Скуластый: Падла...

Спиной обреченно падает на койку и закладывает за голову обе руки.

Копноволосый (Скуластому, буднично) Зря ты под окошком лег. Утром будет весьма прохладно.

Скуластый (нервно, в потолок) Разберемся!

Копноволосый: Ну, разбирайся...

Тишина. С улицы слышится грохот шального грузовичка или спешащего в парк автобуса. И снова тишина.

Грустно-раскосый: Интересно, здесь всегда так малоллюдно?

Копноволосый: Отнюдь. Просто сегодня всенародный праздник. А у них инструкция - в дни всенародных праздников контингент сводить к минимуму. То есть забирать только тех, кто не имеет сил и возможностей находиться в вертикальном положении относительно поверхности планеты.

Скуластый (резко сложившись на койке): Чего ж *мы* тогда здесь?! Ты же ведь вертикальный! (кивнув на Грустно-раскосого) И он тоже!

Вновь падает на койку.

Копноволосый: Это я по дороге протрезвел. А взяли меня горизонтального.

Скуластый: А меня вертикального! (уже не так категорично) Верней, сначала тоже горизонтального.... Но потом-то вертикального... Почти...

Грустно-раскосый: А если на лавочке уснул - это как считается?

Копноволосый: Сидя уснул или лёжа?

Грустно-раскосый: Не помню. Сначала по-моему сидя.

Копноволосый: А потом, видимо, всеж-таки занял горизонталь. Да даже не «видимо», а наверняка. Иначе бы не забрали. (взбив жиденькую подушку и положив её себе на колени) Хотя Бог их знает. Могли и сидячего заневолить.

Скуластый: План...У них ведь тоже план... Даже в праздники. Махонький такой, но план. А план выполнять надо. Горизонтальных не было, вот они вместо них нас и замели. Босоты...

Тишина.

Копноволосый (задумчиво) Я думаю - всё дело в культуре питания...

Скуластый: Что?

Копноволосый: Я говорю: очень выросла у всего советского народа за годы народной власти культура потребления спиртных напитков. Потому и возник, например, сегодня, ощутимый недостаток горизонтальных сограждан.

Скуластый коротко всхлипывает. Еще шире улыбается Грустно-раскосый.

Копноволосый: Только я считаю, что культура питания заключается именно в обратном. И антиалкогольная пропаганда наносит этой культуре непоправимый вред. Ну, а как результат - в государственном масштабе мы на сегодня имеем неоперабельную психофизическую травму, нанесенную изможденной душе Руси державной, что пропитана тысячелетними ведическими традициями и ... и... и... Нет... Всё... И.... Не сложилась.

Скуластый и Грустно-раскосый (хором): Что не сложилось?

Копноволосый: Изящная лингвистическая конструкция.

Скуластый: Да сложилось всё. Если пьем - так до упора, а не пьем - так и не пьем. Правильно?

Копноволосый: Грубовато, не слишком поэтично, но ритмика... Есть ритмика. Есть. «А не пьем - так и не пьем»...

Грустно-раскосый: Бабка моя про это говорила – серёдопкина тайна. Неизвестно нам где тормоз-серединочка в этом важном деле расположен.

Копноволосый: А нужен ли этот тормоз - вот вопрос вопросов. Подвопрос же – имеется ли он вообще в наличии у потомков викингов?

Тишина.

Грустно-раскосый: А географически где мы сейчас - никто не знает?

Копноволосый: Улица Лобачевского, дом два, строение один.

Скуластый: Ни фиги себе! Это ж за университетом где-то!

Копноволосый: Более, чем верно.

Грустно-раскосый: А за каким университетом - старым или новым?

Копноволосый: За новым.

Грустно-раскосый: Тогда хорошо...

Скуластый (мрачно): И от чего ж тебе так хорошо?

Грустно-раскосый: Четвертый раз в Москве. Ориентируюсь уже на четверочку. Где положено - везде перебивал. От ВДНХ до Третьяковки. И старый университет видел. А до нового не дошел еще.

Скуластый (начиная заводиться): Может ты еще и в Мавзолее не был?

Грустно-раскосый (миролюбиво): Угадал. В Мавзолее тоже не был.

Скуластый: Ну, за это не волнуйся. Там-то уж обязательно побываешь.

Грустно-раскосый: Да если честно - меня туда что-то не очень.

Скуластый: А спрашивать никто не будет.

Грустно-раскосый: Это как?

Скуластый: Да так. Прямо у Василия Блаженного вытрезвитель новый строят. Образцово-показательный. Специально для особо любознательных гостей столицы. Так что считай - в Мавзолее ты уже побывал.

Вдруг перевернувшись на живот, выдавливает из себя полувздох-полухрип-полурык.

Копноволоксий (участливо): Началось?

Скуластый: О-о-о-х...

Копноволоксий: Тебе бы чекушечку сейчас в два глотка, дражайший, а потом чтоб её, безобразницу, минут через восемь-девять «Вермут» проангажировал на танец в животе.

Встает с койки, подходит к двери, садится на корточки..

Копноволоксий: Не пиво, не портвейн, не, упаси тебя Всевышний, шампанское «Абрау-Дюрсо» урожая одна тысяча девятьсот тринадцатого года. Именно вермут. Розовый. Сто пятьдесят - двести грамм. Не больше. И всё. Четыре часа целительного сна, после которого жизнь вновь обретает цвет, смысл и гражданское достоинство.

Грустно-раскосый: Или про охоту подумай. Я всегда, когда у меня такое начинается, про охоту думать начинаю.

Скуластый: Какая еще охота?

Штупором проворачивается в койке и вновь оказывается на животе.

Грустно-раскосый: На уток.

Скуластый: Ненавижу охоту.

Грустно-раскосый: Почему?

Скуластый: «Почему»...

Сгребает в ладонь простынку и утирает ей выступивший на груди пот.

Скуластый: Да потому. Вот почему. Может, они только сегодня повстречались. И любовь у них началась самая, что ни на есть неземная.

Грустно-раскосый: У кого?

Скуластый: Да у селезня с уткой. Они парой счастливой в небе виражи закладывают, а ты их - из двух своих стволов!

Грустно-раскосый: Утки парами не летают.

Скуластый: Ну ладно - не утки! Гуси там! Или лебеди! Счастливые, влюбленные! А ты их в расход! И ведь, не потому что жрать нечего, а ради забавы!

Грустно-раскосый: Мы лебедей не стреляем. Мы только уток. А, если честно, я и в утку ни разу не выстрелил.

Скуластый: Чего ж тогда с охотой своей кипеша нагоняешь?

Грустно-раскосый: Так я же говорю - её только представить нужно. Охоту. Когда похмелье закрутит... Болото, камыши, небо серое, набрякшее, ряской тянет, осень, но не холодно еще, вдруг шелест в камышах, даже не шелест - треск, и они одна за одной... В вышину. А если солнышко вдруг проблеснет - крылья изумрудом играть начинают. Ты же голову задираешь и смотришь вслед им. Пока не исчезнут вовсе... И сразу отпускает. Будто и не пил вовсе.

Копноволоксий: А позволь полюбопытствовать... Подобным образом у тебя любое похмелье ретируется или, например, только средней тяжести?

Грустно-раскосый: Нет, конечно, когда уже совсем перебор...

Копноволоксий (оборвав): Тогда уже только на мамонтов.

Грустно-раскосый: В каком смысле – на мамонтов?

Копноволоксий: В самом прямом, сударь. Если твои фантазии подкрепить логикой, то тяжелая алкогольная абстиненция может быть ликвидирована только воображаемой охотой на мамонтов. Упрощенно говоря, согласно логической цепочке первого порядка: чем тяжелее похмелье - тем крупнее дичь.

С койки Скуластого снова доносится полувздых-полухрип-полурык. За дверь слышится шум, звук шагов. В палате вспыхивает свет. Копноволоксий отбегают от двери и ныряет в койку. Звук открывающейся двери. Сержант и старлей под руки вносят в палату кривоногого рыжеволосого гиганта, одетого в дорогой памятный костюм. Опускают его на свободную койку. Бережно укрывают одеялом.

Лейтенант (всем троем, тихо): Узнали?

Все трое молча кивают.

Лейтенант: Тогда чтоб тишина у меня была здесь, как на кладбище. (кивнув на спящего рыжеволосого) У товарища Дергачева тренировка завтра, а потом еще вечером игра. С «Торпедо». Если проснется - всех оформлю на пятнадцать суток. Ясно?

Грустно-раскосый: Ясно...

Сержант и старлей на цыпочках идут к двери. Вдруг с койки Дергачева сначала слетает одеяло, а потом сам он неожиданно резво принимает сидячее положение. После чего поочередно втыкается пудовым взглядом в Грустно-раскосого, Скуластого и Копноволокского. Затем окидывает взглядом палату.

Дергачев (вздыхнув): Устал я от сборов. (обведя взглядом троицу на койках, неожиданно громко, басом): Узнал! Всех узнал!

Старлей (мягко): Виктор Иванович...

Дергачев (не глядя на старлея): А ну-ка тихо мне! (Грустно-раскосому) Ты – из «Кайрата». У меня на казахов глаз-алмаз. «Трешка». Защитник левый. Так? Так. В прошлом сезоне на выездном сзади под меня подкатился, плесень. Чуть весь «ахилл», сучара, не порвал. Я после тебя, засранец, две игры и полуфинал пропустил... А судья, мудило, даже не свистнул. Они там в вашей козлиной Алма-Ате вообще только в одну «калитку» дудят. Хорошо вы их там, видать, заряжаете... Баранов что ли своих в Москву им вагонами подгоняете? Или наличными слюнявите, а?... Чего молчишь?

От неожиданности Грустно-раскосый начинает очень часто моргать.

Дергачев: Вот только в жмурки со мной не надо!... А что молчишь - правильно... Сказал бы что - я бы под тебя здесь подкатился!... Как ты под меня... Только ручонкой и по зубам... Ладно... Проехали. Витя Дергачев не злопамятный. (Скуластому) Верняк?.. Тебя тоже знаю. «Семерка» из «Буревестника» кишиневского. Так? Так. Правый полусредний. Я за тобой второй сезон приглядываю. С правой удар - нормалёк. С левой - не помню. А дриблингуша,

дорогой товарищ, у тебя хероватая. И пасуешь всё время не на ход, а в ноги. Но за это не ссы. Палыч здесь тебе всё поставит. И я помогу если что. Лады?

Скуластый кивает головой. Дергачев поворачивается к Копноволоосу, расплывется в златозубой улыбке.

Дергачев: Ну, а ты чего пришипился, лохматый?! А?! Думал - не узнаю?! В рамке за «Локомотив» стоишь - так?! Ну?! Так?! Так! Пеналь помнишь прошлогодний?! В первом туре?! Как по ленточке до свистка бегать стал?! Клоун, штоптыть! Думал Витьку Дергачева на арапа взять! Только зелёный ты еще чтобы пенали от меня ловить! Лева Яшин еще могёт иногда! Или Анзорчик! А ты – пеночник еще! Усек?!... Ладно! Забыли всё! Дело здесь нам одно делать - честь Союза эСэСЭР защищать! Поэтому про клубные дела-делишки завязали! Фирштейн?!

Троица молча и одурело кивает головами. Дергачев же в ответ движением фокусника извлекает из боковых карманов пиджака четыре чекушки.

Старлей (укоризненно): Виктор Иванович...

Дергачев (всё так же не оборачиваясь): Отдыхай, Михалыч! Ты есть кто? Второй тренер! А значит должен понимать - что такое моральный климат в коллективе физкультуры!

Зубами одну за другой срывает «козырьки» с чекушек.

Дергачев (троице) Ну чего сидим, молодежь!? Подходим, берем и выпиваем за взаимопонимание на поляне! Потому что без взаимопонимания нам венгров завтра не укатать! Так?! Так!

Копноволоосый, Скуластый и Грустно-раскосый синхронно поднимают глаза на стоящих за спиной Дергачева милиционеров. Сержант и старлей переглядываются. Последний растерянно пожимает плечами. В ответ на этот жест троица срывается со своих коек к койке Дергачева, хватая чекушки и возвращается к своим койкам. Судорожно, в два-три глотка все трое осушают свои чекушки. Дергачев в отличие от них ввинчивает в себя чекушку в один глоток. Протяжно рыгает. Хлопнув веками, вдруг бесчувственно подламывается в пояснице и, громыхнув позвоночником, падает поперек койки.

Старлей: Всё.... Аут....

Подходит к вырубившемуся на койке Сергачеву. Заглядывает в его неподвижное лицо.

Старлей (сержанту): Поворачиваем.

К койке подходит сержант. Милиционеры разворачивают обездвиженное тело Дергачева на девяносто градусов. Чтобы относительно койки тот из положения поперек оказался в положении вдоль. Выходят из палаты. Грохот закрывшейся двери, шебуршение в замке ключа. В палате гаснет свет. Погружается в темноту и вся сцена. На заднике сцены, как на экране, вспыхивает кинопроекция. Одновременно

начинает звучать мелодия песни «Москва майская» («Утро красит нежным светом») в оркестровом исполнении. На экране – хроника первомайской демонстрации начала шестидесятых – счастливые лица демонстрантов, довольные лица руководителей страны, стоящих на мавзолее...

Экран гаснет, музыка обрывается. На сцене зажигается свет. В «палате» одиноко похрапывает Дергачев, в «комнате дежурного» сержант и старлей играют в шашки, на «улице» же на лавочке сидит наша троица. Понятно, они уже в верхней одежде. По авансцене из правой кулисы в левую идет Работяга. Вскочив с лавочки, ему наперерез срывается Копноволосый.

«Улица».

Копноволосый: Я очень извиняюсь, милейший! В ваших силах спасти от острой никотиновой недостаточности трёх очень достойных людей, волею роковых обстоятельств оказавшихся в ваших славных краях. Магазины, к несчастью, еще закрыты.

Работяга (дружески улыбнувшись) Курнуть что ли?

Копноволосый: Вы угадали, сударь.

Работяга: Так, а чего ж!

Не сгоняя с лица улыбку вытаскивает из кармана ватных штанов смятую пачку «Примы» и вкладывает её в ладонь Копноволосого. Тот удивленно смотрит на Работягу.

Работяга: Да там две штуки всего и есть! Смолите! А у меня на хате есть!

Копноволосый: Благодарю...

Работяга: Бывает! Ну, я пошел? А то моя там с похмелюги погибается!

Копноволосый: Супруге от нас нижайший поклон.

Работяга: Люське-то?! Лады! И вам оттянуться!

Машет пятерней Копноволосому и сидящим на лавочке Скуластому и Грустно-раскосому, уходит в левую кулису.

Первым затяжку делает Скуластый. Глубокую. Долгожданную. Продиристую. И кашлянув, всхохатывает.

Скуластый: И здесь, получается, дебют! Нормальненько! Верьте-нет, первый раз в вытрезвителе!

Копноволосый принимает из рук Скуластого сигарету.

Копноволосый (рассудительно): Когда-то нужно начинать. Всё когда-то нужно начинать.

Затянувшись, передает сигарету Грустно-раскосому

Копноволосый: Я-то в данном заведении уже четвертый раз. Правда, на эту смену первый раз наскочил. Нормальная смена. Никогда не бывало, чтобы всё до копейки возвращали. А эти вернули. И не били почти. Милейшие люди. Затаившаяся интеллигенция в рядах органов правопорядка.

Грустно-раскосый: А может всё так случилось просто из-за праздника всенародного?

Копноволосый: Может быть и из-за праздника.

Сигарета вновь возвращается к Скуластому. Сделав одну за другой две затяжки, он подносит чинарик к лицу. С пару-тройку секунд задумчиво наблюдает за тем, как огненный глазок исходит прощальной дымовой струйкой. Щелкает прямо перед собой останком сигареты.

Скуластый: Главное - помню-то почти всё! Даже место последнее, куда завалились. Правда, во мне уже тогда где-то семьсот сидело. Поэтому не сказать, что помню всё. Но точно помню, что новоселье какое-то. Мебели нет, ничего нет, одни обои. Обои, обои, обои. С ангелочками нарисованными. И рож незнакомых больше, чем знакомых. И все на полу сидят. И водка с закуской тоже на полу. Но самая стыдоба, что сначала хозяйке на кухне жениться предлагал, и потом ещё двоим. А у них у всех мужья оказались. Там же. Вот из-за этого, думаю, всё и началось.

Грустно-раскосый: Что началось?

Скуластый: Точно не помню. Эпизодами только. Сервизы какие-то за балкон летят. Мои ребята кого-то мордуют. Потом - наоборот: их уже кто-то мордует. И я вроде бы тоже воюю. Ангелочки все, которые на обоях то ли в портвейне, то ли в крови... Вот только почему-то когда мусора приехали, они меня в ванной нашли. Занавеской укрытым. И спящим. Поэтому у всех только документы проверили, а меня сюда.

Копноволосый: Это всё в пределах нормы.

Прикуривает вторую сигарету.

Копноволосый: У тебя обои с ангелочками, а у меня с ними диалоги.

Скуластый: С обоями?

Копноволосый: С ангелами.

Скуластый: Да ну...

Грустно-раскосый: Являются?

Копноволосый: Систематически. (кивнув в сторону «палаты») Каждый раз перед тем, как к ним в полон попадаю. Двое их у меня. Хранителей. Иногда, правда, по одному проявляются. Но вчера оба заявили. В электричку прямо. В последнюю. Вагон пустой. Я счастливый. Поскольку всем к чему душа лежала печень проинтоксигенировал. С утра два «Агдама» употребил, в три по полудню четыреста водочки в пельменной на Усачевке. Отужинал на пленере «Фитясочкой» с парой пива. И на вокзале уже, в туалете, «Мадеркой» себя попотчевал. Короче - в желудке и прочих органах стандартный ассортимент викинга. Да во внутреннем кармане о мышцу сердечную «чебурашка» с коктейлем согревается - тридцать миллилитров «Агдама», столько же водочки с «Фитсочкой», соточка пива и шестьдесят «Мадерки». Грубо говоря - налог такой небольшой с каждой единицы ассортимента употребления.

Скуластый: Сливал в чекушку малёха из каждой бутылки?

Копноволосый: Совершенно справедливо. Отовсюду по минимуму отливаешь, а к эпилогу в качестве премии за верность Бахусу и его заветам - четверть литра превосходнейшего нектара. Дабы начинать наслаждаться им по глоточку в ту самую секунду, когда вагончик содрогнётся и тронется поезд к родным, но временным пенатам. Ну и как содрогнулся вчера вагончик я в карман за «чебурашкой» с нектаром. А тут они - в полном составе. Парочкой на лавочку, что напротив спустились. В настроении амбициозном и нравоучительном. И в оба голоса мне: «Не пей, гадёныш, больше. Жену пожалей и дочурку малую». А я им: «Да как же - не жалеть мне их. Я только и делаю, что жалею. Вон и продукты по списку супружнице везу, и конфет «Раковая шейка» четыреста грамм по рубль тридцать за кило для кровиночки родной прикупил». Они же мне: «Да не шеек раковых с колбасой ждут они от тебя, а, чтобы хоть раз трезвым к ним из Москвы возвратился». Здесь, понятно, уже и я в амбицию сиганул: «Где же, говорю, белокрылые, логика у вас заночевала? На трезвого меня ближние мои сегодня уже по любому не нарадуются. А в сравнении с литражом употреблённым «чебурашка» моя нектаровая, что капля перед морем: усугубить - не усугубит, а бодрости духа добавить может». Ну, тут они просто взъярились: «Так ты, сучонок спитой да презренный, еще и логике нас учить будешь?! В общем так, говорят, если хоть глоточек из «чебурашки» своей сделаешь - опять к архангелам синепогонным в гости на ночлег загремишь. Это мы тебе, говнюк, обещаем». Меня же от слов этих на смех разобрало: «Да когда ж вы архангелов мусорских в электричках последних видели? На вокзале, говорю, все антагонисты ваши сухопутные остались. Так что, пухлощёкие, на этот раз не получится у вас ничего. Вон, за окошко, взоры свои устремите - кольцевую уже промахнули. А дальше, согласно расписанию, аж до Парфёново остановок не будет». И со словами этими достал я «чебурашку» заветную и приложился прямо на глазах у них. И вытянулся на лавочке своей в истоме блаженственной. Они же, напротив, взметнулись в озлоблении да в четыре крыла по сусалам лежащего меня отхлестали. И в безмолвии вознеслись по месту небесной своей прописки. А через секунду дверь тамбурная открывается и наряд в вагон заходит. И как меня увидели один из них сразу к стоп-крану, а остальные ко мне. «Чебурашку» полную почти - за окошко, продукты с пакетом «шейки раковой» под конфискацию, а меня сюда.

Скорбно трясет головой.

Копноволосый: Такой вот ненаучный атеизм...

Грустно-раскосый (радостно) Вот! Точно! А мы как раз его и обмывали! Но только научный. В смысле - атеизм. Ребята-земляки, у которых я в общежитии остановился, зачет по нему за прошлый курс сдали. Затоварились вроде солидно, а к двенадцати всё закончилось. Деньги есть только у меня, они же на стипендии все. Двадцать девять рублей в месяц. Ну, земляки и говорят: «У тебя деньги, ты и иди. На трассе таксиста любого тормози, он тебе водку по пятерке за бутылку продаст». А меня, если честно, уже развезло немного. Но все равно пошел. Не абы кто - земляки попросили. Вышел на трассу, на трассе пусто, но я руку поднял и жду. Ну и подзамечтался. Вдруг слышу тормоза кричат и авто какое-то возле меня остановилось. Ну и я ничего не разобравши к водителю сразу: «Извините, у вас водка есть»? А он мне: «У нас всё есть - и водка, и закуска, и даже билетик лишний на «Лебединое озеро». Садись давай!» Тут я в себя немного пришел и погоны милицейские на плечах у него увидел. Извинился, конечно, сразу. Сказал, что всегда уважал их нелегкую службу. Ну и он

вроде вошел в положение: «Дуй, говорит, отсюда. Ты уже и без водки в порядке. Обрато проезжать будем, увидим - заберем». И уехал. Но я же без водки назад не могу - ребята ждут, верят, надеются. И тут такси из переулка выезжает. Я к нему. И три бутылки у шофера за пятнадцать рублей приобрел. От гордости, ясное дело, расслабился и настроение сразу какое-то лирическое появилось. Бутылки по карманам распахал и на лавочку у остановки присел. Москву ночную немного послушать. Разные города по ночам - они ведь каждый по-своему звучат. И вдруг чувствую лавочка подо мной подпрыгивать начала. Глаза открываю: а я уже не на лавочке - в машине милицейской. На заднем сидении. И голова на погоне лежит. Как раз у того самого, кто в первый раз остановился. А он, как увидел, что я проснулся, говорит: «Ну что, куда сначала - в Большой на «Лебединое» или в консерваторию»? Я ему говорю: «Может, вы водку себе возьмете, а меня отпустите»? А он: «Какую водку»? Я говорю: «Мою, которую вы уже взяли». А он напарнику своему: «Ты понял – говорит - мы его в Большой театр везем, а он оказывается пьющий.» И снова мне: «Выходит нельзя тебе в Большой. Потому как ты сразу в озеро мыться полезешь, а после всех маленьких лебедей переллапашь.» Ну и сюда доставили.... Скуластый: Тоже весело... (Копноволосому) Слушай, а у ангелов твоих голоса какие?

Копноволосый: Да никакие. Злые.

«Комната дежурного». На столе звонит телефон.

Старлей (не отрывая глаз от доски): Давай! Бери! Небось, корешок твой рувэдэшный Макаров. Насчет суточной оперативки.

Сержант поднимает трубку.

Сержант: Николаев слушает!... Здорово... И тебя с праздничком... Нормально... Трое... Ну, конечно, за сутки, не за год же... Да не маловато. Всё согласно инструкции... Диктую...

Берет со стола три протокольных листа.

Сержант: Пишешь?... Первый – Ерофеев Венедикт Васильевич... Двадцать шестое десятое тридцать восьмого... Успеваешь?... Да не Бенедикт, а Венедикт. Вэ. Веня... Записал?... Временно прописан в общежитии Владимирского педагогического института... Владимир... Улица Лесная, четырнадцать... Студент... Успел?... Молодец.

Отодвигает от себя первый протокол.

Старлей: Бенедикт-Венедикт - прямо папа Римский, в натуре... Это лохматый который что-ли?

Сержант (старлею): Ну... (в трубку, читая второй протокол) Пишешь?... Высоцкий Владимир Семёнович... Записал?... Двадцать пятое ноль первое тридцать восьмого... Москва, Проспект мира, семьдесят шесть-шестьдесят два... Драматический театр имени Пушкина... (старлею, прикрыв ладонью мембрану трубки) Слышь, старлей...

Старлей: Чего?

Сержант: А в должности-то по месту работы пропуск... Я, видать, не спросил, а он и не сказал... (в трубку) Обожди чуток! (старлею) Так чего - как записывать? Артистом?

Старлей: Стриженого этого?

Сержант: Ага.

Старлей: Ты рожу-то видел его?

Сержант: Видел.

Старлей: Ну и какой он, к долбаням, артист?

Сержант: А кто же - если в театре?

Старлей: Грузчик какой-нибудь в буфете, может сторож или пожарный.

Сержант (в трубку): Пишешь?... Сторож буфета!... Записал?... Молодец. И последний. Вампилов Александр Валентинович. Да не Вампиров! Вампилов! Через «лэ»!... Девятнадцатое ноль восьмое тридцать седьмого... Да жду, жду... Есть?... Иркутск, улица Дальневосточная, пятьдесят семь «а» - семнадцать... Редакция газеты «Советская молодежь»... Корреспондент... Успел?... Ну всё тогда. Вечером зайдешь? Анька гуся зажарить намылилась - праздник всё-таки... Ну, значит, не прощаюсь.

Опускает трубку на рычаг.

Сержант: Чей ход?

Старлей: Твой.

Палец сержанта двигает шашку, а взгляд сквозь «палату» упирается в сидящую на лавочке троицу.

Сержант: И не расходятся. Может, надо было их до вечера подержать?

Старлей (не отрывая взгляда от доски): Может.

Сержант: И всё-таки, видать чего-то я не понимаю, старлей.

Старлей: А ты перед тем как ходишь думай. И сразу всё начнешь понимать.

Сержант: Да я не про шашки. (кивнув на троицу) Я про этих. Им бы сейчас от радости прыгать, что с самим Дергачевым Виктором Ивановичем ночь под крышей одной провели, а они про опохмелку небось договариваются... Хотя может после опохмелки и осознают да внукам своим еще рассказывать будут...

Старлей: Ничего они не осознают. Поскольку нечем осознавать. Мозгу-то уже, считай, не осталось. Пропит давно навылет. Хоть и студенты с корреспондентами. Так что им хоть сам Дергачев, хоть сам товарищ заслуженный артист Полад Бюль-Бюль-оглы - один хрен. Пьянь, Леха, она пьянь и есть. Тем более такие, как эти - безнадежная. Чекушки-то помнишь как они опрастали? Воткнули в два глотка. Меня б вывернуло сразу. А они её, как компот... Бенедикты, мля...

Переворачивает шашку и ставит её на клеточку крайнего поля.

Старлей: Дамка.

Вновь сцена погружается в темноту. На задник-экран проецируются три портрета – Высоцкого, Вампилова и Ерофеева. Звучит мелодия песни «Москва майская».

На сцену из правой и левой кулис выходят старлей и сержант с папками «Протоколы административного задержания». Останавливаются в центре. На головах у них фуражки. Их высвечивают два «бебика» с рампы. Музыка обрывается. Старлей и сержант раскрывают папки.

Старлей: (глядя раскрытую папку) Они расстались через полчаса после освобождения.

Сержант (глядя в раскрытую папку): Первый побежал к первому автобусу, идущему в центр. Чтобы там пересесть на другой автобус, идущий напрямик до Большого Каретного.

Старлей: Второй пошел к стоянке такси.

Сержант: Да-да. Тогда еще были в Москве стоянки такси.

Старлей: И поехал на Курский вокзал, чтобы второй раз за сутки купить там билет на электричку до станции «Петушки».

Сержант: А третий пошел пешком. На шпиль ближайшей высотки. Чтобы увидеть, наконец, новое здание Московского государственного университета. Которое еще не видел.

Старлей: И больше в этой жизни они не увиделись. Лишь через пару пятилеток услышались.

Сержант: Точнее – слышали. Услышали друг о друге. Не раз и не два.

Старлей: Но при этом никому из них и в голову не приходило, что были они знакомы. Пусть по хмельной запарке, даже забыв представиться друг другу хотя бы по именам.

Сержант: И знакомство их случилось благодаря доблестному подразделению милиции с магнетическим названием «спецмедслужба». В одна тысяча девятьсот шестьдесят первом году.

Старлей: Или в одна тысяча девятьсот шестидесятом.

Сержант: А, может быть, в одна тысяча девятьсот пятьдесят девятом. Весной.

Старлей: Или осенью.

Сержант: Но совершенно определено - не летом и не зимой. Потому что летом и зимой всенародных праздников страна тогда не отмечала. Разумеется, за исключением Нового года.

Старлей (закрыв папку, в зал): Но в Новый год, согласно инструкции тех далёких времен, в вытрезвители не забирали даже самую безнадежную горизонтальную пьянь.

Милиционеры поворачиваются к заднику сцены, на который спроецированы три портрета. Отдают честь. Расходятся в кулисы. Проекция портретов на заднике гаснет.

З А Н А В Е С